

2. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс // СОЦИО-ЛОГОС: Социология. Антропология. Метафизика. – М., 1991. – №1. – С. 39–50.
3. Мерло-Понти, М. Видимое и невидимое / М. Мерло-Понти ; пер. с фр. О.Н. Шпараги. – Мн. : И.Логвинов, 2006. – 400 с.
4. Мерло-Понти, М. Око и дух / М. Мерло-Понти ; пер. с фр., предисл., коммент. А.В. Густырева. – М. : Искусство, 1992. – 63 с.
5. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти ; пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – СПб. : Ювента, Наука, 1999. – 605 с.
6. Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер ; пер с нем., составл., вступ. статья, примеч. А.В. Михайлова. – М. : Гнозис, 1993. – 464 с.

ПРОБЛЕМА СУДЬБЫ В ФИЛОСОФИИ М. ХАЙДЕГГЕРА

А. Кватания

Уже в конце 19-го столетия в Западной Европе начинается поиск новых мировоззренческих ориентиров. Усиливается критика рационалистической традиции и набирает силы философия жизни. Мыслители той, беспокойной поры, разочарованы в рациональном мышлении. Считается, что с помощью одного лишь рационального способа познания невозможно постичь все богатство и разнообразие жизни, раскрыть ее глубину и передать ее неповторимость. В Европе усиливается антиинтеллектуальные тенденции и наступает ситуация социальной и общекультурной нестабильности, другими словами – кризис. Начало первой мировой войны является лишь показателем ужасающей глубины и всесторонности этого кризиса. В это непростое время Э. Гуссерль, назвавший первую мировую войну самым глубочайшим грехопадением человечества, разрабатывает феноменологию. И в своих работах он не оставляет надежды на то, что общими усилиями возможна разработка новой идеологии, способной помочь человечеству избавиться от духовной нищеты. В том, что нужно что-то делать, с Э. Гуссерлем согласен и М. Хайдеггер. Однако, если первому путь к преодолению кризиса видится в «еще большей сконцентрированности на проблемах абстрактной “духовности” и “гуманизма”» [1. с. 75], то для второго «возрождение возможно только в ориентированности на конкретно-фактическое “Я есть”, только через личное» [1. с. 75]. Серьезное расхождение между двумя философами вызывает понимание историчности. Суть критики Хайдеггером своего старшего коллеги заключается в том, что трансцендентальный субъект Гуссерля ограничен, ибо возникает благодаря подавлению историчности и «является лишь субъектом содержательно-теоретических актов» [1. с. 115]. Хайдеггер чувствует необходимость дополнения трансцендентального субъекта историческим измерением.

Он обращается к разработкам Дильтея. Его понимание истории существенно отличалось от позитивистского. Он был категорически против того, чтобы из истории делали объект, наподобие объектов естественных наук. Исследователи творчества Хайдеггера пишут о несомненном влиянии идей В. Дильтея на философию Хайдеггера. Ему импонировала концепция Дильтея, суть которой заключалась в том, «что жизнь не есть нечто, что «случается» в истории, но что историчность сама является одной из наиболее основополагающих категорий человеческой жизни» [1. с. 30].

Для самобытного философствования раннего Хайдеггера и в частности для постановки в ней вопроса о судьбе, также очень важную роль играют С. Кьеркегор и К. Ясперс. У Кьеркегора и Ясперса, Хайдеггер находит противопоставление экзистенции субъекта абстрактному бытию абсолютного духа. Хайдеггер обнаруживает у этих мыслителей онтологическое измерение жизни. Все это используется им при разработке анализа экзистенции присутствия с точки зрения временности человека. И в этом анализе встречается вопрос о судьбе, как таковой.

В своей работе «Бытие и время», Хайдеггер пишет: «Присутствие всегда имеет фактично свою “историю” и способно подобную иметь, поскольку бытие этого сущего конституируется историчностью» [2. с. 210]. Бытие присутствия трактуется им как забота. Забота же в свою очередь основывается во временности. Временность, согласно Хайдеггеру, обнаруживается «в ориентации на способ собственного экзистирования, который характеризовали как заступающую решимость» [2. с. 210]. Заступающая решимость определяется как молчаливое, готовое к ужасу бросание себя на свое бытие-виновным. Заступающая решимость для Хайдеггера означает осознание присутствием собственной смертности, конечности. И принятие себя как конечного сущего. Присутствие способно бросать себя на разные возможности. Но, откуда берутся возможности? – спрашивает Хайдеггер. Сначала он констатирует тот факт, что присутствие всегда принадлежит себе самому, только как бытие в мире. Оно не может обойтись без мира. И в этом мире присутствие обнаруживает множество возможностей. Однако, осознание конечности собственной экзистенции «рывком возвращает из бесконечной много-сложности подвертывающихся ближайших возможностей удобства, легкомыслия, увиливания и вводит присутствие в простоту его судьбы» [2. с. 211]. Итак, осознание собственной смертности избавляет присутствие от случайных возможностей. Тут собственно впервые очерчивается тот круг настоящих возможностей, сумма которых и есть судьба присутствия. То, что до осознания собственной конечности казалось возможностью, теперь перестало быть таковым.

Хайдеггер по сути ставит знак равенства между присутствием и судьбой: «Присутствие только потому может быть задето ударами судьбы, что в основе своего бытия оно есть в характеризованном смысле судьба»[2. с. 211]. О присутствии нам известно то, что оно есть сущее, которому известно о собственной конечности. И тогда можно сказать, что по Хайдеггеру судьба есть осознание конечности. Онтологическим условием для существования чего-то подобного судьбе, немецкий философ называет временность. Лишь в мире, в котором есть временность, возможно присутствие, как осознание собственной конечности, как судьба. Для того чтобы существовать в модусе судьбы, сущее в своем бытии должно быть озабочено одновременно смертью, виной, совестью, свободой и конечностью.

Сущее, экзистирующее в модусе судьбы, Хайдеггер называет историчным. Присутствие является историчным, поскольку знает о собственной временности. Такое понимание судьбы в Западной философии, наверное, встречается только у Хайдеггера. Здесь судьба не есть слепая сила, она вообще не есть сила. Судьбой тут именуется осознанность конечности экзистенции присутствия. Человек узнает о том, что рано или поздно он умрет и как ни странно, вместо того чтобы паниковать и объявлять все бессмысленным, у него только теперь, согласно Хайдеггеру, появляется возможность экзистировать собственным способом. Для него с этого момента начинается подлинная жизнь. Которая есть судьба.

В работе Хайдеггера «Изречение Анаксимандра» мы встречаем следующие слова: «Мы ищем греческое и не ради греков, и не ради улучшения науки, и даже не только ввиду более вразумительного собеседования, но единственно ввиду того, что в таком собеседовании может быть принесено к речи, в случае если оно исходит в речь от себя самого. Это и есть то самое, что различным образом затрагивает греков и нас в нашей судьбе. Это и есть то, что утром мышления приносится в судьбу вечернего Запада. Через эту судьбу греки только и стали греками в том историческом смысле, когда история есть свершение и судьба» [3. с. 39]. То, что Хайдеггер здесь называет «утром мышления» не есть с его точки зрения необходимо вытекающее из определенных исторических обстоятельств событие. Нет никакого объяснения тому факту, по крайней мере, для Хайдеггера, что это «утро мышления» вообще имело место и что оно случилось у древних греков. Тогда можем ли мы утверждать на основании приведенных нами фрагментов, что Хайдеггер под судьбой понимает событие, не подлежащее никакому предварительному вычислению и предсказанию? Скорее всего, мы можем утвердительно ответить на данный вопрос. В других своих работах Хайдеггер многократно утверждает, что Запад изначально рождается с вопрошания о бытии и с

различения бытия и сущего. Хайдеггер также говорит о том, что с этим вопрошанием связано то, что из себя представляет наш мир сегодня. И он предлагает на мгновение задуматься над тем, а что если бы это вопрошание вообще не состоялось. Ведь нет никакой необходимости в том, чтобы это событие произошло. И тут он не находит иного слова кроме «судьбы».

Хайдеггер как-то сказал, что атомная бомба впервые взорвалась в поэме Парменида, что в этой поэме греческий мыслитель определил судьбу Европы и соответственно всего мира. Потому что, вот уже несколько веков самое мощное миропреобразующее влияние исходит из Европы. Потому, что ничто так не меняло облик мира как западная наука, начало которой по Хайдеггеру и есть поэма Парменида. Он пишет, что «Исходя из Аристотеля, впервые поддается определению учение Парменида о бытии и становится понятным как решительный шаг, определивший судьбу и направление западноевропейской онтологии и логики» [3. с. 39]. Нам открывается еще одна грань понятия судьба у Хайдеггера. Дело в том, что человечество очень медленно сворачивает с одного пути мышления к другому, если вообще сворачивает. Истина, которая открылась Пармениду, посылает человечество по определенному маршруту и сила этого толчка является такой мощной, что человечество все еще не может остановиться, не то чтобы сделать поворот. Вот это и есть судьба – расстояния в тысячу лет. Это движение не может быть остановлено по воле человека. Вот на что обращает наше внимание мыслитель.

История Запада для Хайдеггера начинается с вопрошания греков. И вплоть до сегодняшнего дня эта история представляет собой последствия этого вопрошания. С вопроса о бытии у западного человека появляется судьба. И эта судьба представляет собой забытое бытие. Хайдеггер удивляется тому обстоятельству, что даже досократики, когда ставили вопрос о бытии, спрашивали о бытии сущего. Вопрос о сущем, который очень долго является главным для Западной метафизики, оставляет в тени вопрос о бытии. В течении нескольких тысячелетий западный мыслитель не придает особого значения самому главному, в определении Хайдеггера вопросу, что есть бытие? Каков смысл бытия? Как обстоит дело с бытием? А игнорирование значительности этого вопроса и есть характерная черта той судьбы человечества, о которой так много говорится в философии немецкого мыслителя. И, исходя из этого, мы можем утверждать, что судьба для Хайдеггера есть определенное историческое движение по инерции.

Литература

1. Михайлов И.А. Ранний Хайдеггер. Между феноменологией и философией жизни / М., 1999.

2. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М., 1997.
3. *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества / М., 1991.

КАУЗАЛЬНАЯ АТРИБУЦИЯ ПРИ ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНТОВ ИЗ ТУРКМЕНИСТАНА

Е. Г. Ковальчук

Восприятие чужой группы является важной частью социального познания и взаимодействия и лежит в основе формирования образа другого [1, с. 149]. Атрибутивные процессы являются основными механизмами социального восприятия и понимания [2]. Атрибуция – это приписывание воспринимаемому и оцениваемому социальному объекту характеристик, свойств, качеств, которые в отчетливом непосредственно воспринимаемом плане не представлены в актуальной ситуации взаимодействия и не проявились в достаточной мере в предшествующих случаях контакта [3].

В рамках исследования атрибутивных процессов ключевым является объяснение при восприятии личностью мотивов и причин поведения другого [3].

В нашем исследовании атрибуции белорусских студентов в отношении поведения туркменских студентов, проходившем в один этап, принимали участие 112 белорусских студентов, относящих себя к белорусам.

В качестве метода исследования применялся анкетный опрос, включающий методику изучения каузальной атрибуции при восприятии представителей своей и чужой группы Т.Г. Стефаненко [2], методику выявления уровня субъективного контроля [4] и дополнительные вопросы. Дополнительные вопросы позволили получить данные относительно степени знакомства с туркменскими студентами, наличия опыта общения с ними на момент опроса, наличия туркменских студентов в учебных группах (потоках), ситуации совместного проживания в общежитии.

Для определения влияния переменных на выбор причин исхода ситуации был проведен однофакторный многомерный дисперсионный анализ (MANOVA) данных, полученных при помощи методики изучения каузальной атрибуции. Нами рассматривались потенциально возможные или привычные ситуации взаимодействия с туркменскими студентами для белорусских студентов. В качестве независимых переменных были выбраны уровень субъективного контроля (УСК), степень знакомства с туркменскими студентами, наличие опыта общения с ними на момент опроса и степень участия в ситуациях взаимодействия – учеба и общежитие.

Значимые результаты представлены в таблице: